

Глава 29

Больше всего на свете Цзун Юаньсинь жалел о том дне, когда поступил на государственную службу.

В юности он и представить не мог, что будет каждое утро отмечаться на службе, получать жалованье от казны и ежедневно пересекать порог императорского дворца.

И уж тем более не предполагал, что ему доведётся столкнуться с таким несносным пациентом, как Хэлянь Жун.

Их злосчастная связь началась очень давно.

Впрочем, он не любил ворошить прошлое.

Сегодня он просиживал штаны в Императорской медицинской академии, сонно разглядывая бесчисленные «грушевые цветы» за окном. Во всём дворце было лишь двое, кто по статусу мог им помыкать.

Император и вдовствующая императрица.

Император, впрочем, жизнью своей не дорожил и лечиться не желал; а вдовствующая императрица — та и вовсе на порог бы его не пустила.

Конечно, сердце лекаря сострадательно, и, позови его вдовствующая императрица, Цзун Юаньсинь, движимый желанием помочь, непременно бы пошёл. Он верил в своё искусство, да вот только она — не верила.

Как она могла довериться человеку императора?

Так что Цзун Юаньсиню оставалось лишь сидеть без дела.

От скуки и безделья он немало времени проводил за пределами дворца, безвозмездно врачую бедняков. Раз уж казна платит ему за то, что он ничего не делает, он решил посвятить своё время простым людям.

Если бы не сегодняшний лютый холод, из-за которого ему было лень выходить, люди из дворца Цяньмин вряд ли бы его отыскивали.

Он впервые переступал порог этого дворца.

Забавно, но тот, кто призвал его на службу — император Цзинъюань, — сам же и пренебрегал своим здоровьем.

Поистине, мысли императора непостижимы.

Но, по мнению Цзун Юаньсиня, это была чистая блажь.

Знать, что спасение под боком, и упрямо им не пользоваться — что это, если не глупость? Во всей Поднебесной не сыскать большего упрямца, чем этот император.

У входа во дворец Цзун Юаньсинь принялся и обратился к встречавшему его Нин Хунжу:

— Вы зажгли те благовония?

— Именно, — улыбнулся Нин Хунжу. — Всё благодаря вашему искусству, имперский лекарь Цзун.

Благовония, изготовленные по рецепту Цзун Юаньсиня, действительно помогали.

Вот только...

Нин Хунжу хотел что-то добавить, но не успел. Цзун Юаньсинь уже подошёл к главному залу, снова принялся, и лицо его тут же вытянулось.

— В главном зале он их не зажёт?

— Вы же знаете нрав Его Величества, — с кривой усмешкой ответил Нин Хунжу.

Цзун Юаньсинь знал. Ох, как он хорошо его знал.

С кислой миной он проследовал внутрь.

В зале его ждал император Цзинъюань, очевидно, только что принявший ванну. Он кивком указал на место рядом с собой.

— Садись.

Цзун Юаньсинь без церемоний опустился рядом.

— Руку.

Он извлёк из своего лекарского сундучка подушечку для запястья и велел императору протянуть руку.

Цзинъюань повиновался. Цзун Юаньсинь, нахмурившись, принялся прощупывать пульс, не переставая при этом оглядывать императора с ног до головы и, в конце концов, вперился взглядом в его лицо.

Нин Хунжу, давно привыкший к его странностям во время осмотра, невозмутимо стоял поодаль.

Пальцы на ногах всё ещё ныли.

Проклятая Ши Лицзюнь наступила на них.

Дважды. Чертовски больно.

Но Нин Хунжу понимал, что заслужил это. Перед дворцом случилось такое, а он, как ему доложили по возвращении, проявил непростительную оплошность: благовония не были защищены от влаги. Если бы не Его Величество...

Взгляд Нин Хунжу невольно обратился к двум фигурам в центре зала. Не только он, но и Ши Лицзюнь смотрела на них. Кроме них, в зале больше никого не было.

— М-да, — протянул наконец Цзун Юаньсинь, осмотрев оба запястья, язык и цвет лица Цзинъюаня. Вид у него был серьёзный. — Если бы ты согласился на лечение раньше, всё не было бы так запущено.

Нин Хунжу побледнел и выпалил:

— Лекарь Цзун, неужели... неужели уже поздно? — Это было нарушением этикета, но столько лет ожидания, и вот, когда Его Величество наконец согласился, услышать такой ответ...

Цзун Юаньсинь метнул в него раздражённый взгляд.

— А разве я сказал, что поздно?

— Слава богам, слава богам.

Лекарь снова повернулся к Цзинъюаню, который теперь неотрывно смотрел на него. Но Цзун

Юаньсинь, казалось, не замечал этого ледяного взгляда.

— Я говорил тебе с самой нашей встречи: твоя хворь — от яда. Если не извлечь его корень, ты рано или поздно умрёшь. Раньше ты отказывался, почему же сейчас передумал?

Такие дерзкие слова никто другой не посмел бы произнести.

Но он был Цзун Юаньсинь.

Тот самый Цзун Юаньсинь, что много лет увивался вокруг Цзинъюаня, умоляя позволить ему осмотр, и даже последовал за ним во дворец.

Иногда Цзун Юаньсинь думал, что не только Цзинъюань страдает блажью, но и он сам. Видя необычный пульс, редкого больного, он места себе не находил от желания лечить. А если больной отказывался — оглушал его и утаскивал к себе.

Настоящий разбойник.

Но с Цзинъюанем этот номер не прошёл.

Побить его он не мог, а лечить всё так же хотелось.

Однако вопрос его был не праздным и не желанием выплеснуть накопившееся раздражение. Он должен был убедиться в намерениях пациента.

Некоторые методы лечения были таковы, что, начав, прерывать их было нельзя. Боль и мучения от прерванного курса были хуже, чем если бы больной вовсе не лечился.

Болезнь Цзинъюаня была из таких.

Зная, как тот прежде пренебрегал своей жизнью, Цзун Юаньсинь опасался, что это лишь сиюминутная прихоть.

Цзинъюань медленно поднял глаза и безразлично произнёс:

— ...потому что я завёл щенка. Маленького, слабого, упрямого... он может умереть в любой момент. — А потому, чтобы щенок не умер так легко, ему придётся постараться и прожить ещё несколько лет.

Цзун Юаньсинь замер, и лицо его вытянулось от удивления.

Он ещё несколько раз взглянул на императора, но больше вопросов не задавал. Попросив у Нин Хунжу бумагу и тушь, он принялся выводить рецепт.

Хоть лекарь и хмурился, в душе он ликовал.

Чёрт возьми, столько лет ждал, и наконец дождался!

Иероглифы ложились на бумагу размашисто, словно драконы и фениксы в полёте. Закончив, он отложил рецепт в сторону, чтобы тушь подсохла.

— С этого дня быт и питание Его Величества — моя забота. Сто лет жизни не обещаю, но прожить подольше — вполне возможно.

— Питание и быт — да, — сказал Цзинъюань. — Передвижения — нет.

— И передвижения тоже! — властно отрезал Цзун Юаньсинь.

Когда Нин Хунжу провожал лекаря, тот, оглядевшись по сторонам, тихо сказал:

— Благовония в главном зале... если есть возможность, лучше всё-таки зажечь.

Нин Хунжу незаметно кивнул.

Цзун Юаньсинь тяжело вздохнул и вдруг добавил:

— Щенок, которого завёл Его Величество... это ведь не настоящий щенок, правда? — Он постоял, почёсывая подбородок, затем усмехнулся и, не дожидаясь ответа, махнул рукой и ушёл.

Нин Хунжу остался стоять, провожая его взглядом.

Внезапно он тоже улыбнулся.

— Цзинчжэ, почему ты не щенок?

У ворот Императорской кухни Миньюй с воплем бросился на Цзинчжэ и принялся тереться головой о его плечо с самым несчастным видом.

— Отстань, сам ты пёс, — Цзинчжэ сделал вид, что хочет укусить его, но вместо этого похлопал по плечу. — Обидел кто?

Хм, а Миньюй, кажется, поправился.

И лицо округлилось.

— Да так, ничего, — он отстранился и выпрямился.

Под одеждой скрывались руки, сплошь покрытые синими полосами от ударов розгой.

Миньюй учился у Чжу Эрси и многому у него научился. Но Чжу Эрси был строг и за малейшую ошибку наказывал. Поначалу Миньюя били каждый день.

Но он не жаловался.

Он знал, что за стенами дворца ученикам в лучшем случае давали еду и кров, но не платили ни гроша, да и не факт, что научили бы ремеслу. А здесь, под началом Чжу Эрси, ему и жалованье повысили, и учили открыто — многие на Императорской кухне ему завидовали.

Просто...

Иногда бывало очень тяжело. И раз уж Цзинчжэ пришёл, грех было не пожаловаться.

Но его жалобы Цзинчжэ прервал смехом:

— Если хочешь кого потискать, найди другого, хватит мою голову мять! — У него уже голова закружилась.

Миньюй с нежностью взъерошил волосы Цзинчжэ и улыбнулся.

— Хочешь, пойдём внутрь, перекусим? Уж чего-чего, а еды на Императорской кухне в избытке.

— Ладно тебе, я вижу, что ты в порядке. Иди, работай.

— Сейчас не время обеда, дел не так много, но... — не успел он договорить, как, заметив кого-то, резко потянул Цзинчжэ за собой вглубь зала.

Движение было таким быстрым, а лицо его таким серьёзным, что Цзинчжэ не стал сопротивляться и тихо последовал за ним.

Они спрятались внутри, прислушиваясь к шагам снаружи. Кажется, кто-то пришёл за едой. Через некоторое время шаги удалились.

Всё это время Миньюй молча слушал, и Цзинчжэ не мешал ему. Когда снаружи стихло, он шёпотом спросил:

— Кто это был?

— Из дворца Чжунцуй.

Миньюй тоже понизил голос:

— Увидишь кого-нибудь из дворца Чжунцуй — обходи стороной.

Дворец Чжунцуй?

Разве это не покои драгоценной супруги?

Сейчас не время трапезы, зачем они пришли?

— У тебя с ними неприятности?

Хуан Ицзе определённо была не так проста.

Иначе как бы она раз за разом появлялась в заданиях системы?

Но Цзинчжэ не ожидал, что и Миньюй с ней как-то связан.

— Нет, дело в другом... — Миньюй почесал в затылке, словно не зная, как объяснить.

Спустя некоторое время Цзинчжэ наконец узнал от него всю историю.

Когда Миньюй только пришёл на Императорскую кухню, ему не сразу доверили готовку. Чжу Эрсю велел ему наблюдать за другими и выполнять мелкие поручения.

Людей из дворца Чжунцуй он видел несколько раз.

Обычно за едой приходил приветливый старший внук с несколькими помощниками. Но в тот день драгоценная супруга из дворца Чжунцуй пожелала сладкого, и в неурочный час на кухню

явилась не евнух, а старшая служанка.

В это время на кухне оставалось несколько поварят, следивших за огнём. Чжу Эрси, разумеется, отдыхал.

Раз пришёл человек из дворца Чжунцуй, за ним тут же послали. Такую работу мог выполнить только сам Чжу Эрси, другим он не доверял.

И бегал туда-сюда именно Миньюй.

Когда он закончил, уложил приготовленные Чжу Эрси сладости в ларец, запечатал его и отдал старшей служанке, то, обернувшись, увидел, что Чжу Эрси стоит у клеток с птицей и о чём-то задумался.

— Ты же знаешь, у каждого во дворце своя порция еды, — объяснил Миньюй. — Некоторые господа предпочитают свежее, поэтому приходится забивать птицу или резать рыбу прямо перед готовкой. Для этого у нас держат живой товар.

Обычно на кухне стоял такой шум, что криков животных было не слышно.

Но когда появилась та старшая служанка из дворца Чжунцуй, всё смолкло.

Тишина на Императорской кухне — вещь почти невозможная. Даже глубокой ночью здесь всегда горел огонь на случай непредвиденных заказов.

Голос Миньюя стал совсем тихим:

— Цзинчжэ, с той старшей служанкой что-то не так.

Животные инстинктивно боятся тех, кто сильнее их, но они никогда не затихали при виде поваров, которые ходят здесь целыми днями. Почему же они смолкли, как только пришла та служанка?

А когда она ушла, снова принялись кричать, словно избавляясь от какого-то неведомого страха.

Цзинчжэ нахмурился. Помолчав, он коснулся руки Миньюя.

— Ты её после этого видел?

Миньюй покачал головой.

— Я теперь всех из дворца Чжунцуй стороной обхожу.

Цзинчжэ кивнул и мысленно обратился к системе.

«Можешь проверить Миньюя, с ним всё в порядке?»

[Энергии системы почти не осталось], — произнёс голос, и в его ровном электронном тоне послышалось что-то похожее на жалобу. [Проверка завершена. Он здоров.]

Цзинчжэ проигнорировал первую фразу, но вторая его успокоила. Он сказал ещё несколько напутственных слов Миньюю, на что тот лишь рассмеялся.

— Да ладно тебе. Она приходила всего раз, да и к тому же — главная служанка при драгоценной супруге. Таких мелких сошек, как я, она и не запомнит. А даже если она и впрямь какая-то особенная, я просто буду её избегать. — Миньюю потому и предупредил Цзинчжэ, что помнил: госпожа, которой тот служил во дворце Сюсю, была Хуан Ицзе.

Он знал, что Цзинчжэ отказался последовать за ней во дворец Чжунцуй, потому и счёл нужным его предостеречь.

Они ещё немного поговорили и разошлись.

Вернувшись на кухню, Миньюю увидел Чжу Эрсю, который черпал воду у большого чана. В этом чане держали дорогую живую рыбу, и воду нужно было менять часто.

Миньюю тут же подбежал помочь.

Чжу Эрсю, хоть и выглядел сухопарым, был очень силен. Он с лёгкостью поднял огромное деревянное ведро.

— Ты и Цзинчжэ... вы хорошо знакомы? — внезапно спросил он.

Миньюю замер.

Чжу Эрсю знает Цзинчжэ?

Иначе с чего бы ему называть его по имени?

— Он мой друг из Северных покоев.

Плеск!

Чжу Эрсю вылил воду в чан и пересадила рыбу, затем обернулся и оглядел Минъюя.

Тот инстинктивно выпрямился, боясь очередной порки.

Хоть учёба и стоила того, но кому же нравится, когда тебя бьют?

Это ведь очень больно.

— Ещё не готовил? — спросил Чжу Эрсю.

— Нет ещё, пока только учусь резать овощи с братьями... — не успел он договорить, как Чжу Эрсю его перебил.

— Иди за мной.

С каменным лицом, заложив руки за спину, Чжу Эрсю подвёл Минъюя к только что освободившемуся рабочему месту.

— Режь, — глухо бросил он.

Обычно им не разрешалось без дела трогать продукты.

Только с позволения Чжу Эрсю.

Услышав приказ, Минъюй обрёл уверенность, взял овощи и нож.

Тук-тук-тук...

Он принялся резать.

А Чжу Эрсю стоял рядом, заложив руки за спину, и молча наблюдал.

Если идти по главной улице столицы, а затем свернуть, можно услышать крики торговцев. На прилавках разложены самые разнообразные и диковинные товары.

Есть продавцы — есть и покупатели.

Это самое оживлённое место в городе.

Однако закупаться сюда приходят в основном богачи, ведь все, кто торгует с лотков, имеют поблизости свои лавки. Те же, кто не может позволить себе аренду, сюда не допускаются.

Простой люд здесь ничего не покупает. Они ходят дальше, на запад.

Путь дольше, но товары там действительно качественные и недорогие.

Мастерская, где работала Цэнь Лян, тоже находилась здесь.

Каждый месяц, получив жалованье, она сначала оплачивала лекарства для госпожи Лю, забирала запас на месяц и только потом неспешно отправлялась домой.

Но иногда она сворачивала с привычного пути.

Иногда — чтобы купить матери сухофруктов; иногда — чтобы отрезать два пальца мяса, немного, но достаточно, чтобы почувствовать его вкус; а иногда...

Цэнь Лян ходила посмотреть на их дом.

Не на тот, где они жили сейчас, а на прежний.

Для Цэнь Лян этот маленький дворик был домом, её корнями.

Когда было время, она всегда приходила туда.

Госпожа Лю знала об этом, но никогда не упоминала.

И сегодня Цэнь Лян снова пришла.

Когда-то это был скромный особняк семьи Цэнь, теперь же над воротами висела табличка с надписью «Поместье Сюй».

Цэнь Лян постояла немного и тихо ушла.

Она ушла так быстро, что не заметила: ворота поместья, обычно плотно закрытые, сегодня

были приоткрыты.

Из щели доносились обрывки разговора:

— ...это... хозяин... купить...

— ...не продаётся...

— Хе-хе, договориться всегда можно... нельзя же так...

Разговор прервался, и вскоре сделка была заключена.

Из ворот вышли двое.

Один — понурый, другой — в приподнятом настроении, тут же принялся командовать своими людьми, чтобы сменили табличку.

Над воротами водрузили большую вывеску «Поместье Жун».

Управляющий Сюй побледнел, глядя на человека, с которым только что заключил сделку.

— Управляющий Юй, вы, я вижу, подготовились.

Сегодняшняя сделка не должна была состояться.

Управляющий Сюй много лет ведал лавками и поместьями госпожи Сюй, и этот дом тоже был под его присмотром.

Недавно к нему явился посредник и сказал, что некто желает купить этот дом.

Управляющий Сюй уже и забыл об этом месте, пока ему не напомнили.

Это был хозяйский дом, и продавать его он, конечно, не собирался.

И на сегодняшнюю встречу он пришёл с твёрдым намерением отказать.

Но когда посредник вышел, управляющий Юй подошёл к нему и с улыбочкой проговорил:

— Управляющий Сюй, я слышал... ваш младший сын опять влез в большие игорные долги?

Лицо управляющего Сюя изменилось.

В этом мире, если у человека есть слабость, за неё легко ухватиться. Какой бы верной ни была душа, сердце-то не каменное. Разве можно не переживать за собственного ребёнка?

Слова управляющего Юя всё ещё звучали у него в ушах:

— Мы оба служим своим господам. Мой хозяин возжелал эту землю, и я должен для него стараться. Я понимаю ваши трудности, управляющий Сюй, но разве вам не жаль своего сына?

Долг младшего сына достиг астрономической суммы. Даже за все годы службы у госпожи Сюй, в доме Хуан, он не смог бы собрать столько.

Искушение было слишком велико. За столько лет службы он научился проворачивать дела так, чтобы никто не заметил.

Но, подписав договор и глядя на поведение управляющего Юя, он почувствовал необъяснимую тревогу.

Тревогу, смешанную с сожалением о содеянном.

— Управляющий Сюй, как хорошо, что всё разрешилось мирно, — с широкой улыбкой сказал Юй и по-свойски похлопал его по плечу, стряхивая снежинки. — Решить дело без крови — это... это прекрасно.

Станный тон, повторение слов... Управляющий Сюй невольно вздрогнул и резко посмотрел на него.

Но тот уже отвернулся и, заложив руки за спину, стоял у ворот.

Он и сам не думал, что однажды ему придётся вот так, тайком, заключать сделку.

Да ещё и такую мелкую, нестоящую, за которую пришлось выложить огромные деньги.

Он поднял голову, любуясь новой табличкой.

Большая, красивая, новенькая.

Надеюсь, тот будет доволен и перестанет выдумывать всякое.

Лучше бы спокойно лечился и не создавал проблем.

Каждый раз, когда он сходит с ума, у меня душа в пятки уходит. А я ещё пожить хочу

<http://bllate.org/book/16993/1587090>